

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Отзыв официального оппонента на диссертацию Лардыгиной Ольги Александровны «Тема одиночества в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Прежде всего следует сказать о том, что конец XX – начало XXI в. оказались не самым благоприятным временем в изучении творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, поэтому интерес и внимание О. А. Лардыгиной к Салтыкову можно только приветствовать. Заслуживает внимания и предложенный угол зрения на творчество этого писателя. Мотивы одиночества так или иначе присутствуют в литературном наследии любого большого художника, присутствуют они и в произведениях Салтыкова-Щедрина, однако этот вопрос еще не получил комплексного освещения, что определяет актуальность и новизну диссертации.

Диссертация состоит из двух глав, в основу которых положен разноаспектный анализ одной группы произведений (повести «Противоречия и «Запутанное дело», отдельные очерки из цикла «Губернские очерки» и сборника «Невинные рассказы», «Убежище Монрепо», «Дневник провинциала в Петербурге», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина», сказки и др.). Такая структура работы в определенной степени создает ощущение повторяемости. Впрочем, эта повторяемость заметна и на вербальном уровне, что можно расценить, как желание О. А. Лардыгиной отчетливее артикулировать свою концепцию. А концепция в работе присутствует – и это надо отметить как несомненный плюс. Однако, на мой взгляд, концепция эта – попытка показать тему одиночества как «ключевую составляющую» в творчестве писателя (с. 3 автореф.) – имеет несколько искусственный характер.

Перейду к более подробному рассмотрению выдвинутых в работе положений. В диссертации сказано, что в раннем творчестве Салтыкова: *«был заложен прочный фундамент для выстраивания темы одиночества в дальнейшем его творчестве»* (с. 24). Подобные формулировки предполагают преднамеренность, сознательное конструирование, чего в действительности не было и не могло быть. Тема одиночества возникала как следствие осознания и изображения писателем определенных общественных явлений и процессов. Одним из ведущих тезисов диссертации становится утверждение, что в раннем творчестве Салтыкова проявились «романтическая» и «реалистическая» модели одиночества.

Не принимая самих этих обозначений, соглашусь с тем, что Салтыков, как любой другой автор, испытал воздействие разных эстетических систем, и романтизму он отдал дань в своей юношеской поэзии. Однако уже первые повести написаны под влиянием «натуральной школы», на что, впрочем, мельком обращает внимание и автор диссертации (с. 108 дисс.). Разумеется, влиял на Салтыкова и Лермонтов, как об этом сказано в работе (с. 106 и др.), но нельзя не заметить очевидного воздействия Пушкина, а именно романа «Евгений Онегин». По сути, линия Нагибина и Тани (и Таня она не случайно!) представляет собой вариант взаимоотношений Онегина и Татьяны. Но уже пушкинская Татьяна – отнюдь не романтическая героиня, хотя, подобно Тане Крошиной, «в семье своей родной казалась девочкой чужой» и так же, как салтыковская героиня, признавалась в любовном письме: «...я здесь одна, Никто меня не понимает...». Образ же Нагибина представляет собой комбинацию типов «лишнего» и «маленького» человека, но его поведение детерминировано социальными обстоятельствами – бедностью – и осознание себя «лишним» вызвано именно этим. Автор диссертации как будто понимает это («В образе Нагибина писатель воплощает реалистическую модель одиночества, основанного на социальной неустроенности героя» – с. 196), но от «романтической модели» не отступает. Социально детерминировано и существование героя второй повести – Ивана Самойлыча Мичулина. Поэтому разговор о «романтической» и «реалистической» моделях одиночества и само оперирование этими понятиями представляется мне беспочвенным.

Вместе с тем в диссертации сделано немало оригинальных наблюдений, в частности это касается выявления «маркеров одиночества» (как это названо в работе). К числу таких маркеров отнесены мотив игры, воспоминания и мечты героев, а также ситуации православного праздника. Внимание к этим элементам текста позволяет диссертантке высказать интересные соображения (например, о том, что образ одинокого рассказчика, <...> начиная с «Губернских очерков», будет кочевать у Салтыкова-Щедрина из цикла в цикл, из произведения в произведение) – с. 55 дисс.), и обратиться к малоисследованным произведениям, в частности к таким, как «Святочный рассказ» и «Развеселое житье» из цикла «Невинные рассказы» (с. 62–65 дисс.). Своеобразно проанализирован в контексте театрального эпизода мотив игры в повести «Запутанное дело». Интересны наблюдения над изображением времени года в связи с ощущением героями своего одиночества. Как показывает О. А. Лардыгина, зимний пейзаж в произведениях Салтыкова ассоциируется с умиранием: «Зима не зря символизирует сон и гибель всего живого, ассоциируется со старостью человека и одиночеством. Обычно скупой на описания природы, Салтыков пейзажной зарисовкой маркирует скорую смерть» (с. 101 дисс.). Но это наблюдение все же следует откорректировать, так как в «Пошехонской старине» зима, напротив, оказывается временем общественного оживления, противоположного одиночеству. Плодотворны также размышления по поводу времени суток и его связи с мотивом одиночества (с. 103 дисс.). В качестве полезных и перспективных моментов отмечу разработку образа ветра и анализ коллизий «Запутанного дела» в проекции на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» (с. 122–127 дисс.). В целом первая глава, на мой взгляд, более

продуктивна, чем вторая, где сделана попытка наметить определенную динамику в развитии темы, но оборачивается она «укладыванием» произведений в отведенные для них ячейки. На внешнем уровне это проявляется уже в формулировке названий – например, второго и третьего разделов главы («Трансформация ранних моделей одиночества в типы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина», «Особенности типизации одиночества в “Дневнике провинциала в Петербурге” и “Убежище Монрепо”»).

В обращении к «Губернским очеркам» вполне можно говорить о странничестве или сиротстве как воплощении одиночества, но странным представляется выделение двух форм одиночества: *конкретно-социальной* (имеются в виду сиротство, вдовство и др.) и *конкретно-исторической* (странничество, старообрядчество) (с. 133–134 дисс.). Названы явления действительно разного порядка, но и те и другие имеют социальный смысл. К тому же не вижу оснований, чтобы рассматривать старообрядчество как форму одиночества.

Основная направленность работы неоднократно вербализуется диссертанткой, приведу лишь одну пространную цитату: *«Салтыков идет путем дальнейшей типизации, процесс которой не мог не затронуть сформированных в раннем творчестве моделей одиночества. Если в первых повестях Салтыкова романтическая и реалистическая модели одиночества только заявляли о себе, а реалистическая модель ещё имела в своей структуре яркие черты романтического одиночества <...> то, начиная с «Дневника провинциала в Петербурге», когда переходная форма одиночества исторического и натуралистического плана сменяется формой одиночества, для которого важную роль начинает играть типизация, а не историческая конкретность и фактичность, что окончательно закрепилось в образе провинциала-рассказчика и окружающих его обывателей»* (с. 134). Как известно, ясность языка свидетельствует о ясности мысли. В данном случае стилистическое неудобство этого пассажа вполне обнаруживает недостаточную состоятельность концепции, которую пытается обосновать исследовательница.

Диссертантка свободно ориентируется в мире текстов Салтыкова-Щедрина, демонстрируя особенности их взаимосвязи, и во многих случаях это вполне убедительно. Однако не всегда. Одной из линий в работе оказывается сопоставление «Запутанного дела» и «Дневника провинциала» на том основании, что в обоих произведениях герой, питающий определенные надежды, является из провинции в Петербург. Но при этом не учитывается существенная разница: в художественном отношении Мичулин и герой-рассказчик из «Дневника» – принципиально разные персонажи. Салтыкову, художнику широчайшего диапазона, были равно подвластны и глубокая психологическая и гротесково-сатирическая разработка образов. «Маленького человека» Мичулина он показал как художник-психолог, Провинциал же – герой сатирического произведения, к которому неприменимы понятия, уместные в разговоре о Мичулине. Поэтому вряд ли следует причислять его к разряду «жертв» и характеризовать так, как

это сделано в работе, например: *«Провинциал – единственный, кто живет настоящей жизнью, настоящими чувствами»* (с. 153). Провинциал «Дневника», при всей сложности и неоднозначности этого образа, в значительной степени фигура функциональная, плоть от плоти той среды, о которой повествует. Приведу пример. Диссертантка обращает внимание на упования Провинциала, узнавшего, что былой его приятель Нагибин назначен начальником в их губернию. Мечтания персонажа по этому поводу, которые Лардыгина цитирует вполне сочувственно, Салтыков передает следующей фразой: *«По крайней мере, говорил я себе, у меня друг будет! Он будет верить мне свои тайны: по утрам мы будем вместе содрогаться и изыскивать меры, а вечером к помпадуршам станем ездить!»* (с. 152 дисс.). Настораживает уже намерение ездить «к помпадуршам». Но что же в системе щедринских понятий означает «содрогаться»? Ответ находим в ближайшем контексте: «содрогаться при виде царствующего в Тетюшах и Наровчате вольномыслия», «содрогаться от вольномыслия Чебоксар, и кричать “фюить!”» (т. 10, с. 442). Столь же неуместны в характеристике персонажей сатирического романа «Современная идиллия» понятия «настоящая дружба» и «влюбленность» («...пример редкого для мира Салтыкова-Щедрина проявления настоящей дружбы между рассказчиком и Глумовым», «влюбленность» Глумова в Фаинушку. – с. 50), поскольку оба героя также функциональны, к тому же мотив одиночества не имеет в этом произведении сколько-нибудь существенного значения. Приведенные примеры уравнивания принципиально различных по своему художественному облику персонажей ведет к тому, что утрачивается представление о специфике творчества Салтыкова-Щедрина.

Не соглашусь также с предложенной в диссертации трактовкой «Пошехонской старины». Это произведение рассматривается сквозь призму сказки о добродетелях и пороках. Ход как будто вполне остроумный. Однако в итоге получается, что произведение представляет собой «иерархию» грехов (с. 178) «по Салтыкову». Они соответствующим образом расклассифицированы: *«Человеконенавистничество, сребролюбие и гнев у Салтыкова-Щедрина – самые страшные грехи, грехи первого порядка...»* (с. 181); *«Менее страшными грехами для Салтыкова-Щедрина являются гордость, блуд, чревоугодие...»* (с. 182). Но в таком случае о Салтыкове ли мы говорим? Попытка рассуждать об этом писателе в категориях религиозных уводит от сути его творчества. Да, герой «Пошехонской старины» признается: «Главное, что я почерпнул из чтения Евангелия, заключалось в том, что оно посеяло в моем сердце зачатки общечеловеческой совести...» (17, с. 70). Категория совести становится основной в системе этических представлений писателя, которыми он руководствовался и в оценках общественной ситуации, и в практике личных отношений, но это не делает его религиозным моралистом. Напомню, что, задумывая свое последнее произведение (текст известен под названием «Забывшие слова»), писатель пользовался понятиями *совесть, отечество, человечество*. Именно эти слова он стремился напомнить своим соотечественникам, именно эти утраченные понятия мечтал вернуть в жизнь.

В диссертационной работе вполне правомерно обращено внимание на биографический аспект, автор цитирует письма Салтыкова, воспоминания его современников, устанавливает автобиографические элементы в произведениях писателя. Могу предположить, что и на становление темы диссертации в определенной мере повлияли факты салтыковской биографии. В последние годы жизни проблема одиночества оказывается для писателя экзистенциальной, после закрытия «Отечественных записок» она становится сквозной в общении с современниками. Утрата журнала и возможности непосредственного общения с читателем на фоне тяжких недугов и бытового неблагополучия вызывала тягостные мысли и заставляла думать, писать и говорить о собственном безмерном одиночестве – *оброшенности*. Характеристика этого понятия, данная в работе, представляется неточной: «*Оброшенность – это неприятие человека, по каким-либо причинам не укладывающегося в рамки общего образа жизни*» (с. 189 дисс.). Щедринский неологизм образован по модели «заброшенность», но характеризует крайнюю степень одиночества, приставка *об-* вызывает ассоциации со словом *обреченность* и привносит дополнительный трагический смысл: ощущение собственной ненужности, полной покинутости. Нельзя согласиться и со следующим умозаключением диссертантки: «*“Оброшенность” М. Е. Салтыкова-Щедрина, на которую он не раз жаловался в письмах, практически была его вечным спутником: и в лицейские годы, и в вятской ссылке, и в семье, и в последние годы жизни после закрытия “Отечественных записок”*» (с. 196 дисс.). Такая абсолютизация понятия, связанного с поздним периодом жизни писателя, и распространение его на весь жизненный путь Салтыкова, разумеется, неправомерны.

Таковы возражения общего характера, возникающие при знакомстве с диссертационной работой. Приведу также некоторые замечания частного порядка.

Одно из них касается неотрефлексированности жанровых характеристик. Так, затронут вопрос о жанре «Пошехонской старины», но не объяснено понятие *роман*, которое используется в работе. Отсутствует такое объяснение и применительно к «Убежищу Монрепо», также именуемому романом.

Во введении перечислено множество имен исследователей, в разные годы обращавшихся к творчеству Салтыкова, и вслед за С. Ф. Дмитренко дана периодизация этих обращений. Но если уж давать картину изучения, то необходимо было упомянуть о работах покусаевской «саратовской школы», не названы и тверские сборники второй половины 1970-х – 1990-х гг., а между тем по инициативе Г. Н. Ищука в Твери проходили едва ли не единственные в стране щедринские конференции и регулярно издавались сборники по материалам конференций. Не учтены и тверские издания 2000-х гг., за исключением одного выпуска «Щедринского сборника». В списке литературы отсутствуют полезные для данного исследования работы А. А. Жук о «Современной идиллии», Л. М. Ракитиной о лермонтовской традиции в повести «Противоречия», В. В. Гиппиуса о людях и куклах в сатире Щедрина. Обращу внимание и на то, что Библию не принято включать в список литературы, к тому же существует определенная традиция цитирования библейских текстов (см. с. 177 дисс.).

В работе подобного рода крайне досадны стилистические и грамматические недочеты, как-то: *«Герой, поставленный в равные условия одиночества в ситуации праздника, в рассказе «Елка», не смотря на шанс избавиться от скуки после встречи с мальчишкой, испытывает больший прилив грусти и разочарования в провинциальном обществе, негативно влияющим на молодое подрастающее поколение»* (с. 57); *«Используя терминологию М. М. Бахтина, Таня в дневниках создает два идиллических хронотона»* (с. 34, см. также с. 44, 66, 77 и др.). В качестве недочета укажу и то, что в некоторых случаях вместо дефиса ставится тире, но такой неразборчивости не должно быть в филологическом исследовании.

Заканчивая, хочу подчеркнуть, что полемический характер отзыва во многом обусловлен сложностью текстов Салтыкова-Щедрина и – соответственно – их интерпретации. Сам Салтыков не случайно писал в 1882 г. А. М. Жемчужникову: *«...лет через двадцать меня или забудут, или будут читать с комментариями...»* (19–2, с. 87). Вместе с тем возражения и замечания свидетельствуют о серьезности и важности поднятых в работе вопросов, и выраженную в отзыве позицию оппонента надо рассматривать как необходимый элемент научной полемики. Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку представленной к защите диссертационной работы.

Целый ряд предложенных в диссертации наблюдений и выводов отличается новизной и достоверностью. Особой поддержки заслуживает стремление диссертантки рассмотреть творчество писателя как единый текст, что дает свои положительные результаты. Предпринятая попытка определить «особенности эволюции воплощения темы одиночества в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина» (с. 8 автореф.) имеет определенное теоретическое значение. Положения диссертации могут быть использованы в общем курсе истории русской литературы XIX века и в специальных курсах по творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Опубликованные работы и автореферат отражают основное содержание диссертационного исследования.

Диссертация О. А. Лардыгиной соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, отвечает требованиям пп. 9–11, 13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168), а ее автор – Лардыгина Ольга Александровна – заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Строганова Евгения Нахимовна,
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
профессор, профессор кафедры общего и славянского
искусствознания Российского государственного
университета им. А. Н. Косыгина
2.12.2019